

Той же ночью он написал малозначительное письмо и, назвав имя Янь У, велел ему отправиться на юг, в Цзяннань, чтобы доставить послание в некую семью Ли, живущую на берегу Озера Дымчатых Ив.

Путь на быстрых конях из поместья туда и обратно занял бы не меньше месяца. Какое-то время они не будут ни видеться, ни разговаривать, и, быть может, эта поездка поможет остудить те неподобающие мысли в голове маленького стража.

В княжеском поместье было мало женщин, а Янь У целыми днями пропадал подле него и почти не общался с ними — вот у него и возникло это чувство, похожее на обожание.

Когда пройдет время, он, возможно, обо всем позабудет и сам во всем разберется.

Князь Янькан удовлетворенно кивнул, думая про себя, какой же он заботливый хозяин. Обычно он не давал Янь У в обиду, не ругал его, а жалованья платил больше, чем остальным слугам. Чем это не воспитание сына?

Когда придёт время, он найдет ему дочь из хорошей семьи, чтобы тот женился; нужно оставить потомство, чтобы род не пресёкся.

Хотя теневые стражи всю жизнь хранят верность господину и им не положено иметь ни чувств, ни личной свободы, у него порядки были не такими строгими: выполнил задание — получи два дня отдыха, подошёл возраст — женись.

Скопит немного серебра, купит дом, будет содержать жену и детей. Только имея свою жизнь, стоит приходить в этот мир.

Он стал «золотой ветвью» лишь недавно, и в нём не было тяги к соблюдению былых мертвых правил.

Янь Лян велел убрать столик и лег, погруженный в свои думы. Заснул он поздно, но спал крепко, и ему привиделся удивительно реалистичный сон.

Во сне он всё ещё жил простой деревенской жизнью, взял в жены достойную женщину, и они вместе трудились: он в поле, она за ткацким станом. Жена сидела у станка и терпеливо баюкала малютку-дочь в пеленках, а маленький сын забирался к нему на колени и звал «папой», и на каждый зов он с улыбкой откликался.

Сон постепенно мерк, но эти крики «папа» становились всё отчетливее, словно их шептали ему прямо в ухо. В миг, когда он открыл глаза, «папа» резко превратилось в «господин».

Янь Лян недовольно нахмурился... Кто прервал его прекрасный сон?

Когда сознание окончательно прояснилось, ему расхотелось открывать глаза: у самого уха явно звучал голос того человека.

В такой поздний час... зачем этот безрассудный грубиян снова вломился в его покои? Разве ему не дали задание? Почему он ещё не уехал?

Его ресницы невольно дрогнули. Стоило этому случиться, как человек, позвавший господина уже раз десять, мгновенно умолк.

Янь У понял, что спящий проснулся.

Он прильнул к краю ложа и тихо произнес:

— Подчинённый немедленно отправляется в Цзяннань и пришёл доложить об этом господину. Господин редко бывает в тех краях; если вы желаете какую-нибудь диковинную вещицу, скажите, и ваш подчинённый привезет её на обратном пути.

Янь Лян почувствовал, как в груди потеплело: ему было приятно, что маленький страж печется о нём, значит, не зря он столько лет его растил.

Но какой же этот парень дурак, сколько лишних слов. Неужели он правда не понимает, почему я не отправил обычного гонца? Намерение отдалиться и так очевидно, а он всё равно глупо лезет вперёд.

Хорошо ещё, что ему достался такой господин, как я. У другого хозяина он давно бы получил наказание.

Янь У подождал несколько мгновений, надеясь на ответ, но так ничего и не услышал.

подавив разочарование, он, снедаемый тоской, ещё немного послушал дыхание Янь Ляна. Уходил он через окно; луна стояла высоко, заливая двор серебристым светом.

Янь У, в чёрном одеянии и плаще, вышел под лунный свет, взял коня из конюшни, бросил последний взгляд в сторону Двора Чунхэ и, пришпорив коня, умчался прочь с письмом за пазухой.

Господин теперь даже глаз открывать не хочет, чтобы взглянуть на него; за то время, что он проведет в Цзяннани, тот наверняка забудет о нём окончательно. Он надеялся, что частые разговоры помогут вернуть память, но, видимо, зря мечтал...

Как бы там ни было, вернётся память или нет, он всё равно останется рядом с господином, будет лежать рядом с ним и всю жизнь слушаться его.

Тем временем разбуженный Янь Лян ворочался с боку на бок, не в силах уснуть.

Хотя он и не открывал глаз, он прекрасно представлял, какое сейчас лицо у Янь У. Наверняка понурил голову, несчастный; может, ещё и всю дорогу будет терзаться мыслями о том, почему хозяин с ним не заговорил.

Что ж, когда он вернется, надо будет нанять учителя, чтобы тот научил его грамоте. Мальчик уже взрослый, в обычную школу отдавать не с руки.

Виноват и он сам: в те годы не продумал всё как следует и велел подчинённым учить Янь У лишь боевым искусствам. Нрав у мальчишки неплохой, просто его никто не обучал правилам морали и долга. Если он наберётся знаний, то и эти его ошибочные представления, возможно, изменятся.

Его ближайший помощник и впрямь должен быть сведущ и в военном деле, и в грамоте.